

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВОДЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА СЕЛЬКУПСКОГО ЭТНОСА

Анализируется категоризация воды на материале диалектов селькупского языка. Описывается роль и место воды в языковой картине мира селькупского этноса, выявляются релевантные признаки воды.

Ключевые слова: селькупский язык, языковая картина мира, категоризация, вода.

Антропоцентрический подход к языку обуславливает повышенное внимание исследователей к его когнитивным и культурологическим аспектам. По мнению многих авторов, язык служит не только целям общения – в нем также хранится информация, накопленная языковым коллективом, живущим в определенной экологической среде и осваивающим ее при сменяющихся, но характерных именно для него условиях.

Эта информация находится в языке не в беспорядочном виде – она определенным образом структурирована, в языке фактически находит свое отражение классификация человеческого опыта.

Являясь одной из стихий мироздания, вода по-разному объективируется в языковых картинах мира различных этносов. По мнению Н. И. Толстого, «вода в народных представлениях славян одна из первых стихий мироздания, источник жизни, средство магического очищения. Вместе с тем водное пространство осмыслялось как граница между этим и тем светом, путь в загробный мир, место обитания нечистой силы и душ умерших. Символика воды связана, с одной стороны, с ее природными свойствами – свежестью, прозрачностью, способностью очищать, с быстрым движением, с другой стороны – с мифологическими представлениями о воде как о «чужом» и опасном пространстве. Подобная двойственная оценка воды как оздоравливающей и одновременно смертоносной стихии проявилась в сказочных мотивах живой и мертвой воды. Негативная символика воды характерна и для снотолкований: мутная и грязная вода предвещает болезнь, смерть, грусть, а речная, чистая вода – слезы» [1, с. 388].

Анализ лингвистического материала показывает, что восприятие воды в языковой картине мира представителей миноритарного этноса неоднозначно.

Вода является одной из фокусных точек, ориентиров в пространстве. Существование в селькупском языке наречий, описывающих приближение к реке, лесу или, соответственно, удаление от них, служит подтверждением того, что река и лес являются для селькупов фокусными точками, ориентирами в пространстве. Наречие *konnä* характеризует направленность действия к пункту, расположенному на горе, на берегу, на суше, указывает направленные движения от водного пространства к берегу, от

низкого места к возвышенному, от населенного пункта к лесу: Нап. *mat qonnä qöžəšpaq* ‘я к берегу подъехал’. Ив. *Pöneguse ežalgwat Id'en: «Tat üdjrlend, konnä čažlend!»* ‘Пёнегессэ говорит Иде: «Ты остановись, на берег иди!» [2, с. 25].

Авторы «Очерков по селькупскому языку» подчеркивают, что наречие *konnä* обладает набором значений, в основе которых лежит ориентация от воды к берегу:

а) «из воды к берегу» (таз. *konnä utuŋyqo* ‘причалить’, буквально ‘к берегу остановиться’: *konnä tantyqo* ‘выйти из воды’);

б) «вверх на берег, на гору, вверх» (*konnä qenqo* ‘взойти на берег’, *konnä syqylqo* ‘подняться на гору’, *konnä qatytyqo* ‘карабкаться вверх’») [3, с. 271]. Ср.: (юж.) *Manan fa tolžəm, onži čaža karrä i konnä* ‘Лягушка так обрадовалась: «У меня лыжи хорошие: сами едут вниз и вверх» (букв. с горы и в гору) [2, с. 115].

На основе расположения дома относительно реки у данного наречия позднее появились следующие значения:

в) «вглубь помещения (чума, дома), не на виду» (*konnä omyltyqo* – ‘посадить вглубь чума’);

г) «с очага, с огня» (таз. *konnä iqo* снять ‘с огня’) [3, с. 272]. При этом первичным значением является указание на приближение или удаление от реки, позднее перенесенное на жилища различного типа.

Развитие двух последних значений, по мнению некоторых исследователей, «связано с устройством древних жилищ селькупов – карамо, которые представляли собой четырехугольное подземное жилище – пещеру, обычно на обрывистом берегу, с входом-коридором со стороны реки, постепенно повышающимся, чтобы землянку не заливало водой, и с очагом сбоку от входа у передней стены. Наречия *konnä* и *karrä* отражают своеобразие карамо: направление от очага одновременно означает ‘вверх, вглубь пещеры, на гору’ (*konnä*), а направление к очагу – ‘вниз, под гору’ (*karrä*). Значение «не на виду» у *konnä* также легко объяснимо: то, что дальше от очага и от двери, плохо освещено и мало заметно» [3, с. 272]. Терминология, связанная с устройством карамо, была перенесена на более поздние типы жилищ селькупов – чум, землянку, дом русского образца, имеющие ровный пол.

С противоположным наречию *konnä* значением выступает наречие *karrä*. Оно указывает направление от берега к водному пространству; от возвышенного места к низкому; из леса к опушке, к населенному пункту; от жилой площади к очагу: Фарк. *surit srok qaši qolamdeyit imit šimolänti qarrä paiškoatit* 'охота когда заканчивается, женщины в поселок из леса возвращаются'; *tjmti m'älä tü čoačilimit meči lipi karre čattilimit* 'здесь, пожалуй, огонь разведем [мы], кусок мяса в огонь бросим'. Сравним в этой связи данные А. И. Кузнецовой, Е. А. Хелимского и Е. В. Грушкиной о значениях наречия *karrä*:

а) «вниз (с берега, горы)»; б) «вниз (в воду)»; в) «к выходу (из чума, дома)»; «на виду, на видное место»; г) «к очагу, на огонь». Ср.: (таз.) *Karrä noqqolty!* «Оттолкнись от берега!»; *Konnäny karrä* – «сверху вниз»; *Karrä panisäs üty!* «Спустись вниз к воде!»; *Ci karrä tottäty!* – «Ведро на огонь поставь!»; *Karry pinqälty!* – «Положи на виду!»; (ср. *Karrämyt qälympa* – «Идет понизу берегом») [3, с. 272–273].

В ряде контекстов вода осмысливается как источник опасности. Однако и внутри данного образа следует выделить разные «ипостаси» воды: вода как разрушающая стихия; вода как опасное пространство, ср.: об. Ч *ött qugərät* 'вода крутит'; вас. *öt qetambat čböžəp* 'вода затопила землю' [4, с. 172]; об. Ш *ulβa* 'водоворот': *tab ulβagondo aza čaņimba* 'из водоворота он не выбрался' [4, с. 259]; об. С, Ш, кет., вас., тур. *qūgu* 'умереть; утонуть': *qumjñ üttä qūsotjñ* 'люди в воде (букв. в воду) утонули' [4, с. 98].

Мифопоэтическое восприятие воды объективируется в представлениях селькупского этноса о воде как месте обитания сверхъестественных существ:

вас. *ötkił* 'водяной', вас. *kužaqjñ önmütə čažand, qomdelikap čačəš, qomdem aya čačele, ötkił tašənd ila, natet kallende* 'когда по воде едешь, монетку брось, деньги не бросишь, водяной тебя возьмет, там останешься' [4, с. 174]; об. Ч *üdiłkol loyohe üdił kit paroyit qorčugu* 'с водяным чертом на берегу реки играть в карты (можно)' [4, с. 92].

По представлениям селькупов, озера, имеющие в своем названии слова «черт» или «мамонт», являются обиталищами какого-то духа и часто расположены в относительной близости друг от друга. Таким образом, территория, на которой располагаются данные озера, дважды маркируется как особая, обладающая сакральным статусом. Представления об опасности, сверхъестественности таких мест и о действиях духов содержатся в мотивационных контекстах о том, что в водоемах тонут люди, пропадают и приходят в негодность сети [5].

Анализ лингвистического и этнографического материала свидетельствует о сосуществовании у

селькупов горизонтальной и вертикальной проекций мира. Горизонтальная система структурирования пространства выявляется в текстах, действие которых связано с течением реки, и движение событий происходит по течению реки, уносящей героев в ее низовья и одновременно в нереальный мир, расположенный где-то около ее устья [6, с. 73].

Связь истока реки с верхним миром (миром богов) и устья – с нижним миром находит свое отражение в селькупском фольклоре. Ср.: *Al'digat massimba: «Tak, iłki qwajal'end, a tam qwajal'end. Takkit koldišaji todla, a tammit swasaji todla»*. 'Бабушка сказала: «Вниз по течению не езжай, а вверх по течению езжай, в низовье косоглазые караси, а в верховье караси с нормальными глазами»' [2, с. 25]. Низовье реки, ассоциируемое с нижним миром (царством мертвых), наделяется отрицательными свойствами и отличается от среднего и верхнего миров тем, что там все не так, как в других мирах, там все неправильно (в данном примере даже караси косоглазые).

Лишь боги и шаманы исключительных качеств могли путешествовать по верхнему и среднему миру, т. е. «пройти» всю Вселенную по вертикали. Тезис о связи нижнего мира (царства мертвых) с низовьем реки находит свое отражение и в хантыйском языке. Исследовательница сновидений хантыйского этноса Т. А. Молданова среди типичных значений традиционных образов сновидений приводит такие: «грести в лодке по течению (вниз) – плохо (повсеместно); против течения (вверх) – хорошо (повсеместно); ехать в лодке вниз по течению – к смерти (повсеместно)» [7, с. 287].

Опрос информантов показал, что существуют аналогичные толкования снов и у селькупского этноса: «грести в лодке по течению (т. е. вниз) – плохо, а «против течения» – хорошо. И. А. Коробейникова вспоминает: «Когда училась в педагогическом училище, часто снилось мне, что плыву я на большом теплоходе вверх по реке (против течения). Я всегда знала, раз я такой сон видела, то экзамен сдам на пять».

Таким образом, в мифопоэтической картине мира селькупского этноса вода выступает в качестве медиатора между верхним, средним и нижним мирами.

Противоречивость образов воды в языковой картине мира селькупского этноса наиболее отчетливо прослеживается в мотивах живой и мертвой воды. Ср.: *iljñtił' üt* 'живая вода', *qurij üt* 'мертвая вода' [6, с. 299].

В обыденной картине мира вода объективируется в виде атмосферных осадков. В диалектах селькупского языка представлен целый ряд лексем, обозначающих атмосферные осадки. Слова, различаясь фонетически, передают различные характе-

ристики дождя, такие как: интенсивность, размер капель, динамику выпадения атмосферных осадков (начало/завершение действия, усиление или затихание). Ср.: об. С, тур. *sır*, об. Ш *šōrom*, *sorımžo*: *βarg sorımžoyot matkondo qβanba* ‘в большой дождь из дома ушел он’; об. Ч *sorumžo*, об. Ч, вас. *horomžo*, *horumžo*: *tat horomžoute kačewassand?* ‘ты боялся дождя?’; тур. *sır'da*, ел. *sera*, кет. *sero*, *serot*, об. Ш *sβēra*, об. Ч *sβērj*, об. С *soržō* ‘дождь’: *soržō übetde* ‘начался дождь’, *soržō medele čažin* ‘дождь надвигается’; об. Ч *fār*, *fāret*, *fāretot*, *fāreted* ‘дождь’: *üdenneiko fār übež'a* ‘к вечеру дождь пошел’, *tab fārtko a laremba* ‘он дождя не боялся’, таз. *soryntä*, *saryptä* ‘дождь’ [4, с. 219, 222, 267, 271].

Интенсивность дождя передают глаголы, обозначающие процесс выпадения атмосферных осадков: *šaralžegu* ‘капнуть’ от *šaral* ‘круглый’, *šorimbıgu* ‘капать’, *sayambıgu* ‘капать’, *sayeptägu* ‘покапать’ (*say* – крупная капля/крупинка), *χβiralžugu* ‘заморосить’, *χβergu* ‘идти мелкому дождю’, *sorogu* ‘идти ливню’, *sorolčugu* ‘полить (ливню)’, *sβiralčugu* ‘лить дождю’. Кроме того, для обозначения интенсивности дождя используются имена прилагательные: *βarg* ‘сильный’, *hıläl* ‘мелкий’; наречия *qey* ‘сильно’ *qıβılžegak* ‘немного, слегка’ и др.

Наряду с интенсивностью выпадения атмосферных осадков в диалектах селькупского языка объективируется такое качество вещества (воды), как текучесть, ср.: *šayambıgu* ‘течь’, об. Ш *šorombıgu* ‘течь, протекать’.

Релевантным признаком дождя, объективирующимся в селькупском языке, является динамика его выпадения: начальная, средняя и заключительные стадии дождя. Наиболее детализовано репрезентируется в селькупском языке непосредственно сам процесс выпадения атмосферных осадков.

Начало выпадения атмосферных осадков маркируют глагольные конструкции, в состав которых входят фазисные глаголы. Ср.: об. Ч *fār čabemle qβātemba* ‘стал накрапывать дождь (букв. дождь каплями начался)’.

Непосредственно сам процесс дождя передается в диалектах селькупского языка при помощи специальных лексических единиц, часть из которых образована от лексемы *дождит* (*идти дождю*), другая же часть является калькой с русского языка: об. Ч *qey βera* ‘идет сильный дождь (букв. сильно дождит)’, *qıβılžegak βera* ‘идет слабый дождь (букв. немного дождит)’; об. Ч *fārgu* ‘идти дождю’; таз. *səra* ‘дождь идет (букв. дождит)’; кет. *sırogu* ‘идти дождю (от *sırot* ‘дождь’)’; *tamde sıroan* ‘сегодня идет дождь (букв. дождит)’; конструкций с глаголами движения: об. Ч *čaži hıläl fared* ‘идет мелкий дождь’, *šorumžo čaža* ‘дождь идет’; об. Ч *färle čažigu* ‘идти дождю’.

Снижение интенсивности дождя, переход к завершающей стадии выпадения атмосферных осадков реже объективируются в селькупском языке: об. Ч *fāreted m'andežešpa* ‘дождь прекращается (*m'andegu* ‘пройти (дождю)’)’.

Для обозначения сопровождающегося снегом дождя в тазовском диалекте селькупского языка используется имя существительное *lıšqan*, а также глагол *lıšqantymra* ‘идет дождь со снегом’.

В результате проведения свободного ассоциативного эксперимента с представителями селькупского этноса была выявлена связь дождя с другими атмосферными осадками в виде снега и града.

В селькупском языке представлен целый ряд лексем, обозначающих снег: об. С, тур. *sır*; тур. *sırj*; об. Ш *sırrəzoj* ‘снежный’; тым. *sırjmetta* ‘сугроб’; кет. *sıraj* ‘в снегу, снежный’, *sıraj qokka* ‘снежная яма’; об. Ч, вас. *hər* ‘снег’, *hərp šeryəlgu* ‘снег отгрести’, *hər kümba* ‘снег растаял’.

Важным признаком снега являются его физические характеристики, объективируемые следующими лексическими единицами: кет. *tubi sırrə* ‘талый снег’, *qaukka sırrə* ‘мелкий снег’; таз. *syryl' puka* ‘мягкий рыхлый снег’, *qōtal' syry* ‘хрустящий снег’.

Наряду с лексемами, обозначающими снег, в селькупском языке представлены лексические единицы, обозначающие отдельные частицы снега, – снежинки и снежки. В селькупском языке имеется ряд полусуффиксов, имеющих значение единичности и коррелирующих с формой того предмета, который передан сингулятивом: *-sajy*, *-qu*. Таз. *soryntässajy* ‘дождевая капля (дождя глаз)’, *syryssajy* ‘снежинка (снег-глаз)’, *ütyıqu* ‘струя’, *pōlqu* ‘бревно’. Полусуффикс *-sajy* употребляется с названиями предметов, имеющих округлую форму, в то время как полусуффикс *-qu* оформляет названия предметов, имеющих удлинненную форму [3, с. 338].

Исключения из этого правила, т. е. неразличение формы единичных предметов, крайне редки, ср.: таз. *syryssajy*, *syrytqu* ‘снежинка’.

Для обозначения снежка в обском, кетском, тымском и васюганском диалектах используется существительное *laga* (*laya*) ‘нечто круглое, шарик, комок’: об. Ч *hırıl laga* ‘снежок (букв. снежный комок)’, *kıβamarla hırıl laga tünd kıłbadıt* ‘дети снежок в огонь кинули’. В васюганском диалекте зафиксирована лексема *lapča* ‘хлопья (снега)’: *hır lapčaye alčešpa* ‘снег хлопьями падает’.

Процесс выпадения снега обозначается при помощи глаголов, относящихся к двум группам. Глаголы, входящие в первую группу, могут быть переведены на русский язык как ‘снежить’, что наиболее точно передает морфологическую форму данных глаголов: тур. *sıreyo* ‘идти снегу’; глаголы, входящие во вторую группу, не имеют основы

«снег»: вас. *čöbešpegu* ‘идти снегу’, *čöbešpa* ‘идет снег’.

Сопоставляя сочетаемость глаголов движения в тазовском диалекте селькупского языка и русском языке, следует отметить, что русский глагол *идти* употребляется как с одушевленными, так и с неодушевленными предметами, ср.: *дети идут, снег идет, дождь идет, часы идут* и т. д. Однако в южных диалектах селькупского языка глаголы движения также могут сочетаться с неодушевленными предметами и явлениями, в частности с наименованиями атмосферных осадков: кет. *sirj čažan* ‘снег идет’.

На объем выпавшего снега указывает глагол вас. *qoččolgu* ‘намести (снега)’ от *qoček* ‘много’: *hijit qoček tap pot qoččanat* ‘снега много в этом году намело’.

Анализ языкового материала показывает, что важным для языкового сознания представителей селькупского этноса являются моменты появления и исчезновения снега, т. е. периоды его выпадения и таяния. Ср.: тым. *qočombugu* ‘выпасть снегу’: *an qočombe* ‘выпал первый снег’; кет., тым. *tugu* ‘растаять’; об. С. *tudugu* ‘растаять’; кет. *tul'digu* ‘растаять мгновенно’; кет. *tuttegu* ‘подтаять’; вас. *tutešpugu* ‘таять’.

Для обозначения процесса таяния снега используются глаголы *болеть, умирать, теряться*, что свидетельствует об оживотворении снега: вас. *hij ködešpa* ‘снег тает (букв. заболел)’, *hij kušpa* ‘снег тает (букв. умирает)’. Для выявления актуальных признаков снега в языковом сознании селькупов был проведен свободный ассоциативный эксперимент.

Респонденты, активно и пассивно владеющие селькупским языком, соотносят снег с *зимой, холодом* и *морозом*. Важным является не только про-

цесс, но и результат: *снег выпал*. Снег может сопровождаться *ветром*, тогда поднимается *пурга*. Момент прекращения выпадения атмосферных осадков в виде снега, равно как и «исчезновение» снега, отражает ассоциаты *перестал, растаял*.

В результате анализа средств концептуализации атмосферных осадков в селькупском языке было установлено, что наиболее релевантными признаками дождя, снега и града в языковом сознании представителей селькупского этноса являются интенсивность выпадения атмосферных осадков, размер капель, динамика проявления, продолжительность выпадения атмосферных осадков, а также их объем. В селькупском языке падающий снег противопоставляется уже выпавшему снегу.

Анализ этнографического и лингвистического материала свидетельствует о сосуществовании обыденного и мифопоэтического образов воды в языковой картине мира селькупского этноса. Вода выступает как разрушающая и одновременно дающая жизнь стихия, медиатор между верхним, средним и нижним мирами, одна из фокусных точек – ориентиров в окружающем пространстве.

Список сокращений

вас. – васюганский диалект; ел. – елогуйский говор; Ив. – Иванкино; кет. – кетский диалект; Нап. – Напас; об. С – обские говоры Сюсюкум; об. Ш – обские говоры Шёшкун и Шёшкуп; об. Ч – обские говоры Чумылькуп; тур. – туруханский говор; ср. – сравните; тым. – тымский диалект; Фарк. – Фарково; чаин. – чаинский диалект.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-14-70001а/Т «Этнокультурная специфика наименований объектов растительного и животного мира и ее отражение в са- модийских, германских и русском языках».

Список литературы

1. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. 488 с.
2. Сказки нарымских селькупов: книга для чтения на селькупском языке с переводами на русский язык / записи, пер., коммент. В. В. Быконя, А. А. Ким и др. Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 1996. 187 с.
3. Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М.: Изд-во МГУ, 1980. Т. 1. 408 с.
4. Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. проф. В. В. Быконя. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.
5. Полякова Н. В. «Особые места» в картине мира селькупского этноса // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 10 (125). С. 85–88.
6. Мифология селькупов / науч. ред. В. В. Напольских. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 382 с.
7. Молданова Т. А. Архетипы в мире сновидений хантов. Томск, 2001. 354 с.
8. Полякова Н. В. Концептуализация атмосферных осадков в селькупском языке в сопоставлении с русским // Том. журн. лингвист. и антрополог. исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2013. Вып. 2 (2). С. 69–74.

Полякова Н. В., кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com

Материал поступил в редакцию 10.02.2014.

N. V. Polyakova

ETHNOCULTURAL FEATURES OF SKY CATEGORIZATION IN THE WORLDVIEW OF SELKUPS

The article involves analysis of water categorization based on the dialect material of the Selkup language. The paper considers the role of the water in the worldview of Selkup ethnic group, relevant water characteristics.

Key words: *the Selkup language, language worldview, categorization, conceptual feature, water.*

References

1. *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary*. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, 1995. Vol. 1. 488 p. (in Russian).
2. *Fairy tales of selkup natives of the Narymsk region: book for reading in the Selkup language with the Russian translation*. Records, translation, comments of V. V. Bykonya, A. A. Kim etc. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 1996. 187 p. (in Russian).
3. Kuznetsova A. I., Helimskiy E. A., Grushkina E. V. *Features about the Selkup language. Tazovsky dialect*. Moscow, 1980. Vol. 1. 412 p. (in Russian).
4. *Selkup and Russian dialect dictionary*. Under the editorship of professor V. V. Bykonya. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2005. 348 p. (in Russian).
5. Polyakova N. V. "Sacred places" in the worldview of the Selkups. *Tomsk State Pedagogical Bulletin*, 2012, no. 10 (125), pp. 85–88 (in Russian).
6. *Selkup mythology*. Ed. V. V. Napol'skih. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2004. 382 p. (in Russian).
7. Moldanova T. A. *Archetypes in a dreaming world of the Khanty*. Tomsk, 2001. 354 p. (in Russian).
8. Polyakova N. V. The conceptualization of the atmospheric precipitation on the Selkup language in comparison with the Russian language. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2013, no. 2 (2), pp. 69–74 (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com